

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

DOI: 10.25178/nit.2026.3.1

Статья

Детский мир тувинской загадки: лингвокультурологический анализ

Татьяна Г. Бочина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация,

Ольга В. Ломакина

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

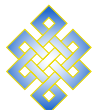
Загадки, как и другие паремнологические тексты, репрезентируют особенности лингвокультуры, в том числе аксиосферы народа, в которой дети занимают важное место и понимаются как ценность. Целью статьи является выявление лингвокультурологических особенностей тувинских загадок о детях и детенышах животных. Основным источником исследования послужил сборник тувинских загадок Г. Н. Курбатского (2021), включающий 1121 загадку. Объектом исследования стали как денотаты (отгадки), так и сигнификаты (кодифицирующие тексты) загадок, содержащие компонент 'дети'.

Тувинские загадки с компонентом — наименованием ребенка или номинацией детеныша имеют как общие, так и специфические черты. Сходство проявляется в том, что образы и детей, и детенышей используются для трансляции этнически окрашенной модели семьи (рода). Эта модель подкреплена единством ее членов, каждый из которых своеобразен и выполняет свою функцию.

В кодифицирующей части загадки детская метафора раскрывается признаком, общим для энигмат и энигматоров. В его качестве используется либо параметрический признак 'маленький', либо процессуальный. Для обеих групп загадок характерна этнокультурная коннотация как кодифицирующей, так и закодированной части энигматического текста, обогащение метафоры-кода специфическими бытовыми реалиями, традициями, ритуалами.

Различия проявляются в том, что номинации ребенка используются в обеих частях энигматического текста, а наименования детенышей — только в тексте собственно загадки. Различение возраста животных отражено наличием в языке разных номинаций одного и того же животного в зависимости от возрастного статуса. Однако это знание транслируется адресату загадки только в описательной части паремии, но не является ее темой. Также установлено взаимодействие различных культурных кодов в тувинских загадках о детях (антропонимического, зоонимического и предметного).

Ключевые слова: паремнология; паремия; загадка; тувинский фольклор; тувинская лингвокультура; тувинский язык; ребенок; детеныш; культура детства

Для цитирования:

Бочина Т. Г., Ломакина О. В. Детский мир тувинской загадки: лингвокультурологический анализ // Новые исследования Тувы. 2026. № 3. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.1>

Бочина Татьяна Геннадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистического образования для иностранных студентов Казанского (Приволжского) федерального университета. Адрес: 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18. Эл. адрес: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

Ломакина Ольга Валентиновна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адреса: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

SPECIAL THEME

Article

The Child's World of the Tuvan Riddle: A Linguocultural Analysis

Tatyana G. Bochina

Kazan (Volga Region) Federal University, Russian Federation,

Olga V. Lomakina

RUDN University, Russian Federation

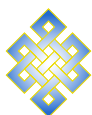
Riddles, like other paremiological texts, represent features of a linguoculture, including its axiosphere, in which children occupy an important place and are construed as a value. The aim of the article is to identify the linguocultural features of Tuvan riddles about children and baby animals. The primary source of the study is G. N. Kurbatsky's collection of Tuvan riddles (2021), comprising 1,121 items. The objects of analysis are both denotata (solutions) and significata (encoding texts) of riddles containing the component "children".

Tuvan riddles that include a component naming a child or designating an animal young exhibit both shared and specific features. The similarity lies in the use of images of both children and baby animals to convey an ethnically marked model of the family (clan). This model is supported by the unity of its members, each of whom is distinctive and performs a particular function.

In the encoding part of the riddle, the child metaphor is explicated through a feature common to both the enigma and the enigmatizing element. This may be either the parametric feature "small" or a processual feature. Both groups of riddles are characterized by ethnocultural connotation in both the encoding and encoded parts of the enigmatical text, as well as by the enrichment of the metaphorical code through specific everyday realities, traditions, and rituals.

Differences are manifested in that nominations of a child are used in both parts of the enigmatical text, whereas names of baby animals occur only in the proper riddle text. The differentiation of animals by age is reflected in the presence of different lexical items in the language for the same animal depending on its age status. However, this knowledge is transmitted to the addressee of the riddle only in the descriptive part of the paremia and does not constitute its theme. The interaction of various cultural codes in Tuvan riddles about children (anthroponymic, zoonymic, and object-related) has also been established.

Keywords: paremiology; paremia; riddle; Tuvan folklore; Tuvan linguoculture; Tuvan language; child; baby animal; culture of childhood

For citation:

Bochina T. G. and Lomakina O. V. The Child's World of the Tuvan Riddle: A Linguocultural Analysis. *New Research of Tuva*, 2026, no. 3, pp. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.3.1>

BOCHINA, Tatyana Gennadiyevna, Doctor of Philology, Professor, Head, Department of Linguistic Education for International Students, Kazan (Volga Region) Federal University. Postal address: 18, Kremlevskaya St., 420008, Kazan, Russian Federation. E-mail: Tatyana.Bochina@kpfu.ru

ORCID: 0000-0002-2606-2985

LOMAKINA, Olga Valentinovna, Doctor of Philology, Professor; Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russian Federation. E-mail addresses: rusoturisto07@mail.ru; lomakina-ov@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-0298-5678

Введение

В современной лингвистике с выходом ее за пределы системы языка и появлением антропоцентрических междисциплинарных направлений (когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др.) значительно оживился интерес к изучению малых жанров фольклора. Паремиологическая система языка, включающая различные единицы, в т. ч. загадки, отражает культурные доминанты народа и наглядным образом демонстрирует ценностные константы этноса.

К числу жанровых особенностей энигматических текстов относится двусоставная структура, состоящая из описательной части (загадки) и собственно отгадки; при этом описательная часть включает метафору-шифр и признак, характерный как для энигмата (объекта действительности, закодированного в загадке), так и для энигматора (кодирующей, описательной части) и потому помогающий расшифровать загаданный образ. Иначе говоря, энигматический текст является закодированным текстом, а ввиду своей традиционности и даже архаичности загадка транслирует коды той или иной лингвокультуры. При этом, как правило, в загадке сочетаются как минимум два разнопорядковых кода (коды загадки и отгадки), в связи с чем изучение загадок приобретает особую актуальность для лингвокультурологии, с ее нацеленностью на познание этнических особенностей определенной лингвокультуры.

Корпус загадок того или иного этноса состоит, как правило, из трех тематических блоков, отражающих соответствующие фрагменты картины мира: загадки о природе (небе и небесных светилах, природных и погодных явлениях, земле, флоре и фауне), загадки о человеке (его теле, внутреннем мире, социальной жизни) и о том, что создано человеком (материальных и идеальных артефактах). Другими словами, фонд загадок антропоцентричен, поэтому в энигматических текстах представлены разные ипостаси человека. Одной из константных характеристик, присущих любому человеку, является его возраст, в котором темпоральный признак сопряжен с физиологическими особенностями, уровнем развития внутренних качеств (например, психологических, интеллектуальных, морально-этических и др.), социальным статусом. При этом данный «пучок» специфических свойств возрастного периода жизни человека осложняется культурно-маркированной аксиологической коннотацией, в которой сочетаются различные ценности и антиценности.

Этническая рефлексия о течении жизни человека и свойствах ее этапов получила свое отражение в паремиологической картине мира, в частности, пословицах и загадках. Если пословицы, лингвокогнитивным принципом которых является контраст, сосредоточены на оппозиции «молодость — старость», причем «именно молодость является немаркированной нормой» (Бочина, Сян, 2013: 44), то в загадках представлена более богатая палитра возрастов. Таким образом, не вызывает сомнений научная значимость исследований загадок о специфике разных возрастных периодов жизни человека и животных.

Для данной статьи избрана исследовательская проблема репрезентации ювенильного (дорепродуктивного) периода бытия живых существ в тувинских энигматических текстах, которая ранее не становилась предметом специального изучения. При этом привлечение к анализу загадок не только о детях, но и о детенышах животных позволяет продемонстрировать этноспецифичное восприятие ранних периодов развития биологических существ (детенышей) и биосоциальных созданий (детей).

Нужно заметить, что тувинские загадки в последние годы привлекают внимание ряда исследователей, однако степень разработанности разных тематических сфер в научных работах неодинакова. Наиболее детально изучен природный мир в тувинских загадках (Чеснокова, Усманов, 2022b; Иванов, Монгуш, 2023; Соян, 2023; и др.), ряд работ посвящен артефактам тувинской культуры, отраженным в энигматических текстах (Чеснокова, Усманов, 2022a; Бочина, 2024, 2025; Чеснокова, Радбиль, 2024: 107; Соян, Ломакина, 2024; и др.), а исследований, посвященных образу человека в тувинских загадках, значительно меньше (Бочина, 2023; Соян, 2024; Николаева, 2025). Как отмечалось, тувинские загадки на «детскую» тему не изучались.

Итак, актуальность данной статьи определяется, с одной стороны, важностью научного осмысления тувинских загадок о детстве (людей и животных) с позиций современных лингвистических теорий, с другой — недостаточной изученностью данной исследовательской области.

Цель исследования — выявление лингвокультурных особенностей репрезентации детства в энигматических текстах тувинской лингвокультуры. Для достижения данной цели решаются следующие задачи: определить этнокультурные особенности тувинских загадок о детях; представить лингвокультурные характеристики компонента 'дети' в описательной части загадки; установить этническую специфику компонента 'детеныши животных' в описательной части загадки.

Источником исследования послужил сборник тувинских загадок составителя Г. Н. Курбатского (2021)¹, включающий 1121 загадку, из которого методом сплошной выборки было отобрано 100 текстов, содержащих номинации детей или детенышей в тексте загадки или отгадки. Также для подтверждения тезисов привлекались материалы из дополнительных источников (монографий и статей).

Тувинские загадки о детях

Под загадками о детях подразумеваем энигматические тексты с отгадками-наименованиями человека по возрасту (*бала, оол, уруг* и др.)². Хотя количество загадок о детях в рассматриваемом сборнике Г. Н. Курбатского относительно небольшое, в этой тематической группе отражены важнейшие для тувинской культуры концепты: *төрөл* 'родня', *уруг-дарыг* (*уруглар*) 'дети'. При этом исследователи тувинской культуры (Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии и др.) подчеркивают, что «концепт уруг-дарыг (*уруглар*) 'дети' безоговорочно признается и в народе, и в научном знании одной из главных ценностей тувинской традиционной культуры» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 163; см. также: Ломакина, 2024: 59; и др.³). Многодетность в традиционной культуре была залогом достатка в будущем: «многодетные семьи имели много будущих работников, это обеспечивало процветание рода» (Тувинцы. Родные ... , 2022: 168).

Данная тенденция аксиологической картины мира тувинцев проявилась в том числе в наличии математических загадок «со сказочными персонажами из тувинских литературных произведений»⁴ о количестве в роде детей и внуков:

Тозандайның тос оглунуң бирээзи-ле тос оолдуг, а оларның оолдарының бирээзи-ле чеди оолдуг. Ол оолдарының бирээзи-ле беш оолдуг, а ол оолдарның бирээзи-ле үш оолдуг, ол оолдарының бирээзи-ле бир оолдуг. Тозандайның ийи кызы оолдардан чартык катап эвээш оолдарлыг болган. Тозандайның ажы-төлу шупту каш кижиге болганыл? (Тозандайның ажы-төлүнүң ажы-төлу 30753 кижиге)

‘У Тозандая девять сыновей. У каждого из них по семь сыновей. У каждого из семерых по пять сыновей. У каждого из пятерых по три сына. А у каждого из них по одному сыну. А у двух дочерей Тозандая их в пол раза меньше, чем у сыновей. Посчитайте, сколько у Тозандая внуков и правнуков (Внуков, правнуков у Тозандая 30753)’ (ТЗ: 1092);

Бир кадай тоорук сайлааш, 121 сай арыглап алган. Оозун өг-бүлөдө хөй уруг-дарыыңга дең-дең кылдыр үлөп берген. Ол кадайның уруг-дарыы шупту каш кижиге турганыл? Кижиге бүрүзүңгө арыглап каан каш сай онаашканыл? (Он бир кижиге, он бир сай)

‘Одна женщина очистила 121 ядро кедрового ореха. Эти ядра она поровну поделила между своими детьми. Сколько всего было у женщины детей? Сколько ядер досталось каждому из них? (11 детей, 11 ядрышек)’ (ТЗ: 1094).

Идея о том, что дети — это главное богатство, прямо озвучивается в одном из текстов, где аксиологическая доминанта входит в денотат энигматического текста:

«Тувинская загадка *Кижиде үш бай. Ол чүл?* ‘Три богатства у человека. Что это?’ имеет следующий ответ: *Башкы бай — ажы-төл, Ортаа бай — эртем-билиг, Соңгу бай — эртин-байлак* ‘Первое богатство — дети, Среднее богатство — образование, Последнее богатство — имущество и драгоценности’» (Мижит, 2013: 128).

¹ Тыва тывызыктар = Тувинские загадки / сост. Г. Н. Курбатский. Кызыл: Детский литературный сайт «Радуга Тувы»; Тувинское книжное изд-во им. Ю. Ш. Кюнзегеша, 2021. Далее отсылки к примерам из данного сборника оформлены следующим образом: (ТЗ: номер страницы).

² Загадки с компонентами *оглу, кызы*, которые обозначают детей не по возрасту, а по родственным отношениям, в данной статье не рассматриваются.

³ Нелюбова Н. Ю. Аксиологические доминанты лингвокультуры и их маркированность в паремиологии (на материале французского, русского и тувинского языков) : дис. ... докт. филол. наук. М., 2025. С. 160.

⁴ Кара-Сал Н. М., Танова О. М. Роль семьи в развитии интереса детей к математике // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 133.

Детальную проработку в лингвокультуре получили тексты-загадки о разных периодах жизни человека, в которых возрастные особенности ребенка сравнивались со спецификой других возрастов (о роли числительных в таких загадках — см.: Бочина, 2023: 11–12). Во-первых, это загадка-триада о детстве — зрелости — старости. Она является универсальной для многих как западных, так и восточных культур, что неоднократно отмечалось исследователями: «о человеке вообще довольно распространена загадка: *Утром — на четырех ногах, В полдень — на двух, Вечером — на трех*. Она знакома почти всем европейским народам. По преданию, ее загадывал сфинкс, погибший после того, как Эдип разгадал ее» (Митрофанова, 1978: 74):

Эртен дөрт буттаап кылаштаар, Дүште ийи буттаап кылаштаар, Кежээ үш буттаап кылаштаар
(Кижиниң чашта үнгээри, кылаштаары, кыраанда даянгыштыг чорууру)

‘Утром на четырех ногах ходит, В полдень на двух ногах ходит, Вечером на трех ногах ходит
(В младенчестве человек ползает, повзрослее ходит, в старости бредет, опираясь на палку)’ (ТЗ: 431).

Кроме универсальной трехчленной загадки, фиксирующей признак младенческого возраста — ползание на четвереньках из-за неспособности ходить на двух ногах, в тувинской лингвокультуре имеются многокомпонентные тексты¹, в которых представлена более подробная система этапов жизни человека. Многочленные загадки соотносятся с дробной периодизацией жизни человека, принятой в этнопедагогике тувинцев, в которой представлены семь (аналогично количеству звезд Большой медведицы) и даже 12 периодов развития человека, соотносящиеся с двенадцатилетним животным календарем (Волков, Салчак, Шаалы, 2009: 41–44, 91–93). В корпусе загадок свое отражение получили следующие ключевые фазы детства: внутриутробный период, рождение, время, когда ребенок начинает сидеть, ползать и, наконец, ходить.

Что касается внутриутробного периода, загадками фиксируется народное поверье тувинцев о разных сроках вынашивания девочек и мальчиков, детей и детенышей животных:

Кызым-биле тос ай нүүрүндө чурттадым, Оглум-биле он ай нүүрүндө чурттадым (Кыс уруг иезиниң иштинге — тос ай, а оол уруг он ай нүүрүн көргөш, төрүттүнер)

‘С дочкой моей в течение девяти месяцев жила, С сыном моим в течение десяти месяцев жила
(Дочь в материнском лоне находится девять месяцев, а сын — десять лунных месяцев (народное поверье))’ (ТЗ: 687);

Мен мегереш беш айлыг, Олурар уруу он айлыг (Дырбактыг, киж. Дырбактыг, беш айболгаш, төрүүр, киж. — он ай болгаш)

‘Я хитрый пятимесячный, Сидячая ее дочь десятимесячная (Рысь, человек. Рысь дает помет через пять месяцев, женщина рождает через десять лунных месяцев)’ (ТЗ: 346).

Этот же синтез общего и противоположного (сын и дочь одного рода) представлен в загадке-шутке, в которой не-сын — это дочь, а не-дочь — это сын: *Ада-иезиниң төлү боорда, Кайызының-даа уруу* (Оглу. Эвес) ‘Хоть и отца-матери дитя, Но ничья дочь (ничей сын) (Сын. Дочь)’ (ТЗ: 686).

В загадках о еще не родившемся ребенке используется параметрический признак (маленький размер): «При описании нахождения ребёнка в утробе матери женщина уподобляется чёрной скале, дитя — белой лодыжке: *Кара хая баарында ак кажык* ‘Белая бабка перед черной скалой’. Использование лексемы *кажык* ‘бабка, лодыжка’ подчёркивает маленький размер плода, а хая ‘скала’ указывает на человека высокого роста» (Соян, 2024: 114).

В качестве главных особенностей младенческого возраста выделяются признаки кормления грудью и наличия колыбели. Так, например, в загадке, отражающей кочевой образ жизни тувинцев, младенец уподобляется наезднику с бурдюками провизии: *Шыгыр-шыгыр чоруктуг, Ийи дорзук хүнезинниг* (Тооргу, тооргу хини) ‘Скрип-скрип, едущий, Два бурдюка провизии имеющий (Ребенок в люльке. Грудь матери)’ (ТЗ: 427).

Фиксируется загадкой также понимание тувинцами цикличности бытия, при которой начало жизни аналогично ее концу, в частности, отсутствие зубов у младенцев и стариков и доступность в этой связи только жидкой пищи: *Кызыл аас кырганны Хымыраан-биле азырады* (Чаш уругну эмиг сүдү-

¹ Подобные сложные загадки о периодах жизни человека есть в якутском, алтайском и хакасском языках (Николаева, 2025: 98).

биле эмзирери) 'Беззубого старца Жидким чаем кормили (Кормление ребенка грудным молоком)' (ТЗ: 428).

Сходство детства / молодости и старости неоднократно отражено в специфических загадках-триадах с сакральным числом үш 'три', соответствующих традиционной и современной художественной культуре тувинцев (Мижит, 2013). Так, белый цвет объединяет молодость и старость, но он же их противопоставляет по характерному атрибуту:

Өртөмчөйде үш ак (Аныяанда дижи ак, Кырый бээрге, бажы ак, Өлү бээрге, сөөгү ак)

'Во вселенной три белых (В молодости зубы белые, В старости голова белая, После смерти кости белые)' (ТЗ: 1011);

Делегейде үш ак (Өзөрге — дижи ак, Кырырга — бажы ак, Өлүрге — сөөгү ак)

'В мире три белых (Когда растешь, зубы белые. Когда постареешь, голова белая. Когда умрешь, кости белые)' (ТЗ: 1012).

Весьма показательна сложная (многоуровневая) загадка об этапах жизни, где ребенок, который уже может ходить (от года до десяти лет), представлен образом щенка, а подросток и юноша — образом волка. Если первый образ можно отнести к универсальным для разных этносов (ребенок и детеныш животного уподобляются друг другу), то во втором проявляется этнокультурная специфика: «двадцать волков» указывают на возраст, когда человек многого недопонимает и самонадеян:

Он эник, Чээрби бөрү, Ужен хылыш, Дөртөн маадыр, Бежен дүжүмет, Алдан даяңгыыш, Чеден быра (Кижы назыны: 10 эник дээрге 1 хардан 10 харга чедир чаш назын, 20 бөрү — чүвени чедир билбес, туразы улуг өйү, 30 хылыш — кончуг чалыы назыны, 40 маадыр — далашпас, кортпас өйү, 50 дүжүмет — угаан чедишкени, 60 даяңгыыш — кырып эгелээни, 70 быра — чөнүй бергеш, даяңгыыштаныр чорууру)

'Десять щенков, Двадцать волков, Тридцать сабель, Сорок богатырей, Пятьдесят чиновников, Шестьдесят посохов, Семьдесят рычагов (Человеческий возраст, жизнь: 10 щенков — от одного года до десяти, младенческий возраст; 20 волков — от 10 до 20, возраст, когда человек многого недопонимает, самонадеян; 30 сабель — цветущая молодость; 40 героев-богатырей — человек не торопится, ничего не боится; 50 чиновников — пора умственной зрелости; 60 посохов — начало старения; 70 рычагов-опор — человек стар и пользуется палкой)' (ТЗ: 1008).

Показательно, что в этой тувинской загадке детский период кодируется зооморфной метафорой, подчеркивая физиологическую сторону человека, близость детей к природе (*щенок, волк*), тогда как молодость и старость связаны с артефактами (молодость ассоциируется с *саблей, старость — с посохом, рычагом-опорой*), а зрелость ассоциируется с социальным статусом человека (*герой-богатырь, чиновник*). Таким образом, в загадке об этапах жизни человека сочетаются количественный, природный (зооморфный), предметный и социальный коды культуры¹.

Итак, тувинские энигматические тексты с отгадкой 'ребенок, дети' находятся в неразрывной связи с концептами *уруг-дарыг (уруглар)* 'дети' и *төрөл* 'родня': с одной стороны, выделяются признаки детского возраста (передвижение на четвереньках, кормление грудным молоком, беззубость, позднее — белозубость), с другой — ребенок является частью рода, семьи и его возрастные особенности изображаются на фоне специфики других жизненных периодов человека.

Дети как компонент описательной части загадки

Как известно, этнокультурная традиция в энигматических текстах ярко проявляется в описательной части загадки, которая кодирует денотат (отгадку) сочетанием метафоры и признака, общего для нее и отгадки. Лингвистические особенности репрезентации загаданного денотата посредством детского кода оказываются напрямую связанными с этнокультурными особенностями мировосприятия и бытовых традиций. Так, в загадках о ступе и песте в одном ряду с другими антропоморфными метафорами (ступа — беременная мать, невестка (сноха), старуха; пест — ханский сын, сын Маная, отец, старик) (подробнее: Бочина, 2025: 315–316) используется образ ребенка

¹ Ср. наблюдение о сочетании образов животных и предметов в алтайской загадке о человеке (Бидинова, 2015: 62).

для кодирования проса / зерна: *Авазы иштиг, Оглу орлаанай, Адазы адыралбай* (Согааш, тараа, бала) 'Мать на сносях, Дитя удалое, Отец привередливый (Ступа, ступка: просо; пест, пестик)' (ТЗ: 668).

Кроме того, загадки на данную тему фиксируют неразрывную связь детей с родовым поселением: *Аал ишти дойлуп, Ажы-төлү тода берди* (Бала, согааш) 'Весь аал суетится, Дети досыта наелись (Пест, пестик; ступа, ступка)' (ТЗ: 672).

Безусловно, в загадках, как пишет Н. И. Файзуллина, «метафорическая номинация тесно сопряжена с характером восприятия реалий постигаемого мира и напрямую связана с возможностью осязания денотата, зрительно фиксировать его и осуществлять контроль над его функционированием»¹. Так, с целью создания зримого образа в загадках о рукотворных и нерукотворных предметах детские образы кодируют объекты небольших параметров сообразно модели «невysокий рост — маленький размер»: *Дәрде төккүлчек уруг маңнып тур* (Ширбиил) 'На дворе юрты куцая девочка бежит (Метла, веник)' (ТЗ: 567).

В другом тексте о сугубо женском предмете используется не только номинация уруг 'девочка', признак формы загаданного денотата, но и аналогия основной функции энигмата и любимого детского занятия, вербализованного в описательной части загадки: *Өг иштинде борбак уруг чуглуп тур* (Ширбиил) 'Внутри юрты округлая девочка катается (Метла, веник)' (ТЗ: 566).

Этнически маркированным, безусловно, является образ озорного мальчика, кодирующего колеблющееся пламя светильника: в описательной части загадки мальчик танцует *девиг* — ритуально-обрядовый тувинский танец борцов (поэтому образ мальчика в загадке нельзя заместить образом девочки): *Тенек-оол девиг тургаш, тейледи* (Дең оду) 'Озорной мальчик, исполняя девиг, молится (Колеблющееся пламя светильника фонаря)' (ТЗ: 577).

Традиционным мировосприятием объясняется и то, что мальчик из загадки, танцуя, молится. Как пишет исследователь традиционного тувинского танца И. О. Ондар, «в системе тенгрианства, как древнейшей форме "небесно-солнечной" религии, через девиг (так называемый "танец орла") наиболее зримо и ярко воплощается сакральная вертикаль "Небо — Земля"»². Сообразно этому, и светильник из загадки — это синтез огня небесного и земного.

Связано с народными традициями и использование образа мальчика в загадках о почках, что можно объяснить метонимической связью между детским возрастом и употреблением в пищу внутренних органов: «Особенно аккуратно тувинцы следят за тем, какие куски кладут на детские тарелки: малыши получают самые мягкие части (почки, сердце), чтобы не пораниться об острые кости» (Ламажаа и др., 2022: 159). Мотивирована и ассоциативная связь между загаданным органом тела и ватным одеялом, т.к. каждая почка снаружи покрыта прочной соединительнотканной фиброзной капсулой, или плотным чехлом из соединительной ткани: *Хөвөн шуглактыг Хөөкүй оолду уштун алдым* (бүүрек) 'Из ватного одеяла бедного мальчика вынул (Почка)' (ТЗ: 620); *Хөөкүй-оол хөвөн шуглактыг* (бүүрек) 'У жалкого мальчика ватное одеяло (Почка)' (ТЗ: 733).

Связана с культурой традиционного питания еще одна загадка, в которой образ мальчика замещает нечто внутреннее и наиболее ценное (костный мозг): *Чалым хая чарлы берди, Чанагааш оол үне халыды* (Чилиг, сөөк; чилиг согары; чилиин алгаш, сөөгүн октапкан) 'Неприступная скала разверзлась. Голый мальчик выбежал (Костный мозг, кость; выбивание костного мозга; высосав мозг, выбросил кость)' (ТЗ: 624).

Итак, детская метафора в описательной части тувинской загадки мотивируется такими признаками ребенка, как маленький размер (рост) и характерная для детей активность (бегать, кататься, танцевать), которые важны для ассоциативного механизма разгадывания энигматического шифра. Данные общечеловеческие представления обогащаются в тувинских загадках этническим своеобразием (бытовыми реалиями, традиционными ритуалами и обрядами).

¹ Файзуллина Н. И. Лингвокогнитивная модель народной загадки: образно-структурный аспект (на материале русского, татарского и английского языков): дис. ... д-ра филол. н. Казань, 2019. С. 14.

² Ондар И. О. Генезис и трансформация тувинского танца в культуре Тувы : автореф. дис. ... канд. культурологии. Красноярск, 2016. С. 9.

Детеныши животных как компонент описательной части загадки

В изучаемом сборнике тувинских загадок нам не встретилось ни одного текста о детенышах животных в денотате. В загадках и о диких зверях, и одомашненных животных они не дифференцируются по возрасту, как люди. Иная ситуация с наименованиями животных в описательной части загадки. В качестве энигматической метафоры встречаются образы следующих детенышей — *чаваа*, *богба* 'стригунок', *ошкү кулун* 'жеребенок', 'жеребчик', *теве чаш төл* 'верблюжонок', *бөрү оглу* 'тигренок', *хураган* 'ягненок', *анай*, *уруг* 'козленок', *бызаа* 'теленка':

— *Кулун баскан дазыр орук, Кундус чазаан чолдак ыяш (Шаң, хиизин)* 'Жеребенком вытоптанная голая дорога, Выдрой выстроганное низкое дерево (Ток, гумно, столб в середине тока для привязывания быков, лошадей)' (ТЗ: 846);

— *Хевээ хураган көвүк кусту (Чаныы, өрүм)* 'Ягненка-альбиноса пеной вырвало (Брусок, оселок, мягкий точильный камень; сверло, бурав)' (ТЗ: 950);

— *Көк анай хөне сөөрткен, Көк хураган көвүүн кускан (ужуктуг ине, чаныы)* 'Синий козленок привязь волочит, Синего козленка пеной вырвало (Иголка с ниткой, брусок, оселок, мелкий точильный камень)' (ТЗ: 967) и др.

Между миром «человеческих детенышей» и миром детенышей животных в загадках есть много общего. Прежде всего, это репрезентация принадлежности детской особи к роду, семье, члены которой имеют возрастные, статусно-ролевые и гендерные особенности. Так, в ряде текстов важнейшим компонентом описательной части, который выполняет роль триггера при декодировании денотата загадки, является связь матери и детеныша. В загадке о годе 12 месяцев кодируются близнецами-верблюдатами, рожденными верблудицей, — символом материнской любви у тувинцев и самым выносливым животным, не боящимся ни жары летом, ни мороза зимой (контрастные точки годового цикла): *Ак тедем он ийи бодаган ийистээн (Чылдын он ийи айы)* 'Белая верблудка моя 12 верблюжат-близнецов родила (12 месяцев года)' (ТЗ: 449).

Пара «мать и дитя» как в человеческом, так и животном мире кодирует предметы, соответствующие архетипическому биному «Производящее — Производимое», как в загадке, где в образе кобылы зашифровано молоко, а в образе жеребенка — молочная водка:

Эмдик ак бе Эр кара кулун төрээн, Ону өөрткен оолдуң Эргээ тенек болган (Хойтпак, арага, шууруун, шууруун шоргазы)

'Необъезженная белая кобыла Чёрного жеребчика родила, У её объезжавшего парня Большой палец глупым оказался (Особым образом заквашенное молоко, молочная водка — арака, деревянный перегонный аппарат, жёлоб деревянного перегонного аппарата)' (ТЗ: 659).

Родственная связь матери и ее детеныша проявляется и в передаче наследственных признаков, характерных особенностей рода, как в тексте, где денотат «горящие угли и жар» закодирован биномом «тигрица — ее детеныш»:

Хүлер хемниң бажында Хүрең-кызыл пар төрээн Оон оглун тудар кижиги — Кара чаңгыс кортпас маадыр (Көс, кышкаш)

'У истока реки Хүлер Коричнево-красная тигрица родила, Кто ее детеныша поймает — Тот единственный бесстрашный герой (Горящие угли, жар, щипцы-кочерга)' (ТЗ: 598).

Красный, красновато-рыжий цвет во многих загадках символизирует или кодирует огонь (Соян, 2023: 88–89), как, например, в приведенной выше загадке, однако образ жеребенка семантизирует огонь и без колористического признака, и здесь можно провести параллель с озорным мальчиком, намекающим на колеблющееся пламя светильника фонаря: *Куй иштинде кулун дешкилеп тур, Аргада ак баштыг ашак олур (От, төш)* 'В пещере жеребёнок скачет, В тайге белоголовый старик сидит (Огонь, печь)' (ТЗ: 574).

В загадках об артефактах, особенно наиболее значимых знаках материальной культуры, составляющих предметный код этноса, зоонимический код (подобно антропонимическому) моделирует в описательной части тувинскую семью с использованием номинаций и взрослых особей, и детенышей:

Аскыры аскак, Бези бертик, Чаваазы чандаш, Кулуну курук (Паш тигери)

'Жеребец хромой, Кобыла увечная, Стригунок кособокий, Жеребёнок тучный (Котёл (чугунная чаша), стоящий (стоящая) на треноге в виде камней)' (ТЗ: 607).

А. М. Соян справедливо отмечает, что *аскыр* ‘жеребец’, *бе* ‘кобыла’, *чаваа* ‘стригунок’ являются символами трех камней треножника. При этом, казалось бы, странный выбор характеризующих эпитетов *аскак* ‘хромой’, *бертик* ‘увечный’, *чандаш* ‘кособокий’ мотивирует взаимозависимость составных частей треножника: его устойчивость обеспечивается наличием всех трех элементов, каждый из которых сам по себе не может играть роль подставки под котел, да и отсутствие хотя бы одного компонента — разрушает всю конструкцию. «Данная загадка, — пишет автор, — имеет глубокий философский смысл. Можно интерпретировать, что в ней изображен образ семьи как единое целое, где имеются отец, мать и дети (старший и младший)» (Соян, 2023: 89).

Аналогичный принцип шифрования используется в тексте, где энigmatор синонимичен описательной части предшествующей загадки, а энigmat — омонимичен отгадке предыдущего текста. В описательной части данной загадки посредством зоонимического кода воспроизводится представление о семье, а в денотате подразумевается традиционный артефакт — приспособление для приготовления напитка, производящее (молоко), и производимое (молочная водка):

Аскыры аскак, Бези бертик, Чаваазы чандаш, Кунну курук (Бүлгээр, доскаар, хойтпак, арага)

‘Жеребец хромой, Кобыла увечная, Стригунок кривобокий, Жеребёнок полный (Деревянный перегонный аппарат, бочка, особым образом заквашенное молоко, молочная водка — арака)’ (ТЗ: 660).

Члены семьи в загадке наделяются характерными признаками и функциями, мотивирующими загаданный предмет. Например, облако-туча — это молоко, которое дает верблюдница, гром — рев верблюда, дождь — омут, а град — резвящийся верблюжонок:

Эдер-тудар эггиниг Эдип келир бууралыг, Санан четпес турумнуг, Дешкилен кээр бодаганныг (Булут, динмирээшкен, чаашкын, долу)

‘С верблюдницей, дающей молоко, С ревущим верблюдом, С бесчисленным омутом, С резвящимся верблюжонком (Облако, туча, гром, дождь, град)’ (ТЗ: 93).

Энигматический текст, в описательной части которого используется метафора детеныша, в качестве ее мотиватора (признака, общего для загадки и отгадки) используется размерный параметр (молодая особь меньше в размерах, чем взрослая) или процессуальный признак (характерные для детей и детенышей действия). Например, в загадке о традиционном украшении шапки в качестве мерила используется размер части тела верблюжонка: *Бош даг кырында бодаган хову Алдын сааскан соктап олур (Дүжүмет улустун чинзези)* ‘На вершине горы с коленную чашечку верблюжонка Золотая сорока, сидя, клюет (Шарик на шапке чиновников)’ (ТЗ: 1024).

Акциональный («действенный») код (Гудков, 2004: 39) используется для фиксации таких действий детенышей, как бег (быстрый и неутомимый), сосание / облизывание, непрерывные крики (ср.: плач для детей), частое мочеиспускание, пастьба (ср. с хождением на четвереньках у детей):

— *Кара богба¹ Хайыр чылгап тур (Чаныы-биле бижек чаныыры)* ‘Черный стригунок, Солонец облизывая, бегаёт (Точить нож на оселке (бруске, мягком точильном камне))’ (ТЗ: 948);

— *Дыннаажантын баарында Хурең чаваа киштеп тур (Кулак сыргазы)* ‘Перед слушающим бурый стригунок ржет (Серьга в ухе)’ (ТЗ: 537);

— *Хажызында кара анай сидиктеп чыдыр (Шууруун, арага)* ‘Сбоку чёрный козлёнок мочится (Деревянный перегонный аппарат, молочная водка — арака)’ (ТЗ: 657);

— *Ховуда кожундактыг бызаа чор (Өөк, джи)* ‘В степи попарно связанные телята пасутся (Пуговица, петля)’ (ТЗ: 529).

Таким образом, в тувинских загадках, в кодирующей части которых используются номинации детенышей, зоонимические образы репрезентируют принадлежность детской особи к роду, семье. Зоосемья, как правило, имеет структуру «взрослые особи (самец — самка либо самка — самец) — детеныш / детеныши разного возраста», другими словами, выделяются гендерные и социальные роли членов семьи, а дифференциация по возрасту, в отличие от загадок о человеке, периферийна. В то же время, как и в загадках с детскими образами, в текстах с образами детенышей постулируется тесная взаимосвязь всех членов семьи, особенно выделяется связь самки с детенышем. Метафоры детенышей наделяются признаками, актуальными для денотата — параметрическим ‘маленький’ или акциональным (бег, сосание, крик и др.).

¹ *Богба* — это жеребец или кобылица в возрасте от одного до двух лет (Даржа, 2003: 66).

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ряд лингвокультурных особенностей репрезентации детства в тувинских энигматических текстах.

Во-первых, в тувинских загадках, содержащих наименование ребенка / детеныша, взаимодействуют разные культурные коды, особенно активно — антропонимический, зоонимический и предметный.

Во-вторых, и образы детей, и образы детенышей используются для трансляции этнически окрашенной модели семьи (рода), которая крепка единством ее членов, каждый из которых своеобразен и выполняет свою функцию. Особенно фиксируется связь «мать и дитя», «самка с детенышем».

В-третьих, в кодирующей части загадки детская метафора, как антропонимическая, так и зоонимическая, раскрывается признаком, общим для энигматического текста и энигматора, в качестве которого используется либо параметрический признак 'маленький', либо процессуальный. Если первый аналогичен для образов ребенка и детеныша, то второй — вариативен: при описании детей фиксируется такая активность, как питание материнским молоком, ползание на четвереньках, бег, катание, танцы, а для зоонимического кода — бег, сосание, крик, которые, впрочем, легко экстраполируются на детский мир человека.

В-четвертых, для обеих групп загадок характерна этнокультурная коннотация как кодирующей, так и закодированной части энигматического текста, обогащение метафоры-кода специфическими бытовыми реалиями, традициями, ритуалами.

В-пятых, различия в отражении мира детей и мира детенышей в тувинских загадках проявляются, в первую очередь, в том, что номинации ребенка используются в обеих частях энигматического текста, а наименования детенышей — только в тексте собственно загадки, иначе говоря, невзрослые животные не являются денотатом-отгадкой. Это можно объяснить тем, что для паремии-загадки актуальным является различие разных этапов жизни человека, возрастных, гендерных и социальных особенностей, которые фиксируются и загадкой, и отгадкой. Различение возраста животных (особенно скота), жизненно важное в практической жизни тувинцев, отражено наличием в языке разных номинаций одного и того же животного в зависимости от возрастного статуса, однако это знание транслируется адресату загадки только в описательной части паремии, но не является ее темой.

Таким образом, загадки с наименованиями детей или номинациями детенышей характеризуются как общими, так и специфическими чертами.

Перспективы исследования видятся в изучении лингвокогнитивного аспекта репрезентации детства в разных паремиологических жанрах тувинского фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бидинова, А. К. (2015) Метафоры, обозначающие человека, в алтайских загадках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. № 1 (28). С. 61–65.

Бочина, Т. Г. (2023) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бочина, Т. Г. (2024) Юрта и ее детали в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 2. С. 125–140. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Бочина, Т. Г. (2025) Тувинские загадки об артефактах в лингвокогнитивном аспекте // Новые исследования Тувы. № 4. С. 305–320. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Бочина, Т. Г., Сян, Ц. (2013) Аксиология возраста в русской паремике // Филология и культура. Серия «Филологические науки. Лингвистика». № 3 (33). С. 44–48.

Волков, Г. Н., Салчак, К. Б., Шаалы, А. С. (2009) Этнопедагогика тувинского народа. Кызыл : Изд.-полиграф. отдел «Билиг». 212 с.

Гудков, Д. Б. (2004) Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс. Вып. 26. 168 с. С. 39–50.

Даржа, В. К. (2003) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : ТуВИКОПР СО РАН. 154 с.

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эъди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Ломакина, О. В. (2024) Концепт дети в системе традиционных ценностей этноса (на материале паремий неродственных языков) // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (57). С. 58–62.

Мижит, Л. С. (2013) Тувинское трехстишие. Триада в тувинской традиционной культуре. Новосибирск : Изд-во СО РАН. 138 с.

Митрофанова, В. В. (1978) Русские народные загадки. Ленинград : Наука. 178с.

Николаева, Т. Н. (2025) Представления о жизненном цикле человека в загадках // Эпосоведение. № 1 (37). С. 95–105.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Соян, А. М. (2024) Характеристики человека в тувинских загадках (на полевом и лексикографическом материале) // Новые исследования Тувы. № 2. С. 112–124. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>

Соян, А. М., Ломакина, О. В. (2024) Образ юрты в тувинской паремиологии: когнитивный подход // Когнитивные исследования языка. № 1–2 (57). С. 103–107.

Тувинцы. Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны ; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Чеснокова, О. С., Радбиль, Т. Б. (2024) Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 92–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022a) Загадки о пище в тувинской и русской лингвокультурах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 294–316. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Чеснокова, О. С., Усманов, Т. Ф. (2022b) Образы природы в тувинских, татарских, русских и испанских загадках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 13. № 2. С. 483–501. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Дата поступления: 23.02.2026 г.

Дата принятия: 21.05.2026 г.

REFERENCES

Bidinova, A. K. (2015) Metaphors denoting a person in Altai riddles. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*, no. 1(28), pp. 61–65. (In Russ.)

Bochina, T. G. (2023) Numerical and colour code as a component of Tuvan riddles about a person. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bochina, T. G. (2024) The yurt and its details in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 125–140. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.8>

Bochina, T. G. (2025) Tuvan Riddles about Artifacts in a Linguo-Cognitive Aspect. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 305–320. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.17>

Bochina, T. G. and Syan, Ts. (2013) Axiology of age in Russian paremias. *Filologiya i kul'tura. Seriya "Filologicheskie nauki. Lingvistika"*, no. 3 (33), pp. 44–48. (In Russ.)

Volkov, G. N., Salchak, K. B. and Shaaly, A. S. (2009) *Ethnopedagogy of the Tuvan people*. Kyzyl, Bilig. 212 p. (In Russ.)

Gudkov, D. B. (2004) Units of cultural codes: issues of semantics. In: *Language, consciousness, communication: collection of articles*. Ed. by V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. Moscow, MAKSS Press. Issue 26. 168 p. Pp. 39–50. (In Russ.)

Darzhba, V. K. (2003) *The horse in the traditional practices of Tuvan nomads*. Kyzyl, TuvIKOPR SO RAN. 154 p. (In Russ.)

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) *Khoi e'di* for Tuvans. Identity, comfort, responsibility. *Etnografiya*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Lomakina, O. V. (2024) The concept children in the system of traditional values of an ethnos (based on paremiological data of unrelated languages). *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(57), pp. 58–62. (In Russ.)

Mizhit, L. S. (2013) *Tuvan tercet. The triad in Tuvan traditional culture*. Novosibirsk, SO RAN Publ. 138 p. (In Russ.)

Mitrofanova, V. V. (1978) *Russian folk riddles*. Leningrad, Nauka. 178 p. (In Russ.)

Nikolaeva, T. N. (2025) Ideas about the human life cycle in riddles. *Eposovedenie*, no. 1(37), pp. 95–105. (In Russ.)

Soyan, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Soyan, A. M. (2024) Characteristics of a person in Tuvan riddles (based on field and lexicographic data). *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 112–124. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.7>

Soyan, A. M. and Lomakina, O. V. (2024) The image of the yurt in Tuvan paremiology: a cognitive approach. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 1–2(57), pp. 103–107. (In Russ.)

Tuvans. Native people (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy, ed. by Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. St Petersburg, Nestor-Istoriya. 344 p. (In Russ.)

Chesnokova, O. S. and Radbil, T. B. (2024) Riddles about everyday life as a reflection of ethnocultural identity (on the example of Tuvan, Russian and Colombian riddles). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 92–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.7>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022a) Food riddles in Tuvan and Russian linguocultures. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 294–316. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.21>

Chesnokova, O. S. and Usmanov, T. F. (2022b) Images of nature in Tuvan, Tatar, Russian and Spanish riddles. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 13, no. 2, pp. 483–501. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-483-501>

Submission date: 23.02.2026.

Acceptance date: 21.05.2026.